

ОЛЬГА.

В один пасмурный день на не сильно оживленной улице шел одинокий человек.

(Вообще интересно, что все необычные истории начинаются именно с таких пасмурных дней.)

На улице было немного народу и в основном это были мужчины, которые рыскали глазами в толпе, словно украли что-то важное, ценное. Они подбегали украдкой друг к другу, о чем-то шептались, хихикали и снова разбегались. Ведь это была необычная улица.

Остановимся подробнее на одиноком человеке. Он подошел к обшарпанному ларьку и купил вчерашнюю газету. Один знакомый поведал ему, что в этом выпуске была статья про боль в суставах и про «чудеснейшее средство против боли», поэтому человек решил обязательно приобрести эту газету. В такие пасмурные дни у него очень болели колени, что само собой говорило о дождливой погоде.

Был вечер. Влажный холодный ветер обдувал лицо прохожему и заставлял его, потуже затянуть свою телогрейку. Глаза слезились, а из носа текло. Человек почесал щетину на своем подбородке и свернул на ту самую необычную улицу, о которой мы говорили в начале.

Объяснимся: его звали Евгений Зябин и он был художником. Он имел весьма непривлекательную для девушек внешность, более того он даже не старался привлечь их к своей персоне. Глаза были маленькими, хрустальными, обычными карими человеческими глазами. В них не было никакой «искорки» или «изюминки», о которой часто любят упоминать писатели. Зачем вообще отводить столько времени каким-то глазам? У него они были самыми обыкновенными, такими же, как и у других людей вокруг. Смотрели все время в пустоту, неизвестную точку в пространстве. Немного выкатывались из орбит, когда Евгений от удивления приподнимал черные густые брови. На его бледном нездоровом лице выпирали скулы, так сильно, что его можно было бы спутать с иссохшей мумией в музее. Губы тонкие, стрижка короткая, на щеках были впадинки из-за скул. Евгений был высокий, очень худой, его ребра выпирали наружу, а пальцы были короткими, но сильными. Правда иногда он страдал от того, что его ладони сильно потели, из-за чего бывало, кисточка так и выползала у него из рук.

Его любимой одеждой была старая отцовская телогрейка, которую отец подарил ему перед смертью. Ее Евгений практически никогда не снимал, и из-за нее создавался вид усталого одинокого человека без собственного дома и перспектив.

Художником, признаться, он был так себе. Рисовал то, что ему говорили, а то есть всякие мелкие зарисовки, плакаты. Иногда подрабатывал дворником в местном детском саду. Зарабатывал копейки, но был доволен собой и своим существованием.

Почему он пошел именно по той самой улице? Дело в том, что Евгений после работы зашел к своему приятелю, который работал на заводе, передал ему что-то от его супруги и пошел обычной дорогой к своему дому. Но, свернув за поворот, он увидел, что переезд временно закрыт из-за ремонта дорог (дорогу давно следовало ремонтировать). Выругав рабочих, он пошел самой длинной и неприятной дорогой. Дорогой, которая проходила через улицу Красных Фонарей. Ведь всем известно, что это за место?

На такой улице обычно собиралось множество мужчин, потому что все прекрасно знали, что там можно найти очень миленькую девушку на ночь, заплатив при этом гроши. Милиция, конечно, знала об этом и всячески врывалась на места преступления, но из-за отсутствия весомых улик пока не закрывала эту шарашкину контору. Это была официальная версия перед начальством. На самом деле годы были такие, что и милиция туда частенько захаживала. Девушки там были неплохие, а главное дешевые. Когда Евгений купил нужную ему газету, он прошелся среди магазинчиков и ресторанов, в которых сидели толстые мужики и их глупые напудренные подружки. Сам Евгений частенько задумывался о подобных мероприятиях, потому что он изголодался по женскому телу.

У него была жена. Он женился на ней по взаимной симпатии в очень молодом возрасте. Один из примеров того, как ранние браки разрушают жизнь. Их любовь слишком быстро изжила себя и после рождения второго ребенка его женщина совсем запустила себя, посвятив себя полностью детям. Поэтому в семье работал только Евгений. Денег было мало, но на самое необходимое всегда хватало.

Проходя мимо ресторанчиков, Евгений увидел небольшую толпу девушек, которые явно что-то обсуждали между собой. (Ну да, а кого он мог там еще увидеть?) Их было трое. Они неплохо выглядели, но было заметно, что девушки уже не первой свежести. Он старался не смотреть в их сторону, но не мог оторвать от них взгляда. Одна из них очень громко смеялась, словно

лошадь, и Евгений мог заметить ее длинные кривые зубы, которые слегка выпирали, когда она что-то говорила своим собеседницам. Волосы были сухие и безжизненные, но глаза ее горели. Она явно рассказала о чем-то важном для нее, возможно, о важном событии или потрясении. Вторая отличалась от нее. Она была живой блондинкой, очень высокой и очень фигуристой. Она улыбалась и кивала, делая вид, что ей интересен рассказ, а сама строила глазки мужчине в ярком галстуке возле потухшего фонаря. А вот третья задавала вопросы, интересовалась и явно участвовала в разговоре. Было в ее внешности что-то отталкивающее и притягивающее одновременно.

Евгений остановился и уже без стыда смотрел на третью девушку. Она была среднего роста, суховатой и скомканной. У нее были очень широкие бедра, которые обтягивали штаны телесного цвета и цветастая рубашка. Если бы Евгений встретил эту девушку на улице, не подумал бы, чем она зарабатывает себе на жизнь. Прежде, чем Евгений успел осмотреть ее полностью, его заметила первая девушка и кривыми зубами улыбнулась ему, а затем захихикала и подмигнула. Он очнулся и поспешил поскорей домой.

Его квартира находилась в шатком доме. Коммуналка, одним словом. Дома его встретила растрепанная жена в грязной мокрой футболке. На руках его дочь, маленькая Лиза. Она была очень тихим ребенком с любопытными глазами, но не любила посторонних людей. Квартира маленькая, всего две комнаты были отведены его семейству. В одной комнате спали дети, в другой родители. Вернее сказать так: в одной комнате спал Евгений, в другой спала жена с детьми. Она любила их до безумия и души в них не чаяла.

Он прошел в комнату, поцеловал Лизу, положил журнал и сел за стол. Глубоко и тяжело выдохнул и перевел глаза в окно. Было три часа дня. Воскресенье. Двадцать шестое апреля.

- Есть будешь? – сухо спросила его жена, посадив Лизу на стул.

Его кормили только тогда, когда кормили детей.

- А есть чо? – так же устало вздохнул он и улыбнулся маленькой Лизе.

Жена бросила на него такой злой взгляд, а затем закатила глаза и вышла из комнаты. Немного попыхтев, принесла небольшую кастрюльку. Пахло кислыми щами.

- Ты так говоришь, будто я тебя голодом морю, - взяла из сервиза тарелку и зачерпнула теплый кислый суп. Поставила тарелку, покорчила Лизе мордашку и вышла из комнаты. Принесла хлеб и стакан чая, а Лизе детскую кашку.

- Как у тебя дела? – вздохнул Евгений, поедая суп.

Она проигнорировала его вопрос, потому что кормила дочь.

Вернулся старший сын, бросив портфель, прошел в комнату, как обычно не здороваясь.

Только тогда женщина заговорила с ним.

- Сегодня звонили из школы, у него опять двойка по физике. Может, начнешь заниматься воспитанием сына? – она кинула на него ядовитый взгляд.

У Евгения пересохло горло.

- У тебя выйдет лучше, - он встал из стола, взял посуду и вышел из комнаты.

Была ночь. На небе не было звезд. Над сонным городом сгущались клубы дыма и иной раз было не понятно, то ли это тучи, то ли это дым из труб постоянно работающих заводов. Усталая отсталая действительность. За стенкой соседи мирно похрапывали, некоторые продолжали смотреть телевизор. Наверное, все одинокие люди по ночам смотрят телевизор, потому что некого обнять и уткнуться носом в теплую шею. Одиночество порождает зависимость.

Они встретились на кухне. Он сидел и курил, открыв форточку. Холодный ветер дул ему в лицо, попутно уносят сигаретный дым куда-то вглубь дома. Его это не смущало. Именно ночью он мог побыть собой, ибо чувствовал, что в его жизни что-то идет не так. Пустота разъедало его сердце и заполнить эту разрывающую пустоту могла только женщина.

Ему хотелось любви. Хотелось быть любимым человеком и чувствовать это. У него был друг, которого каждый день встречала любящая жена и маленькая дочь. И он хотел того же. Его разрушал этот брак и он прекрасно осознавал это, но не мог уйти от своей жены, потому что боялся, что больше нее он никому не будет нужен. Отчасти, это было правдой (или нет?).

И с каждым разом он давал их любви шанс на возрождение.

- Чего куришь тут, у тебя дети за стенкой, а ты тут дымишь, как паровоз, - угрюмо нахмурилась женщина и подошла к нему.

В свете луны она выглядела немного моложе (или ему так казалось?) Ее серые тусклые глаза, золотые волосы, словно зерно, что он видел на рынке (и почему ему в голову пришла именно такая аналогия? Наверное, это все ночь. Да, ночь всегда в чем-нибудь, да виновата) и, конечно, же ее длинная шея с тонкой кожей на ней. Она была вся бледная, уставшая, потрепанная, но такая любимая. Он действительно любил ее. Только где-то там, в своей душе, он

искал эту любовь каждый раз, когда смотрел на нее.

Без эмоциональная любовь. Подобно высокой крутой горке, когда после того самого пика, вершины резко пускаешься, падаешь вниз, так и их отношения пережили себя еще после рождения детей, которые стали смыслом жизни его жены. Пора признаться: его женщина потеряла свою свежесть, стала другой, далекой и неизвестной.

- Завтра купи детской присыпки, у Лизы снова выступила сыпь, как бы дальше не пошло, я ведь... - и она начала говорить о детях. Они всегда говорили только о детях. О школе, о платьях, подгузниках, игрушках, присыпках, о других детях, о своих детях, о детях соседей, о детях детей соседей. Он лишь кивал и продолжал курить.

Затем к нему в голову пришел образ той девушки с улицы. Он покачал головой, пытаясь прогнать эти мысли и перевел взгляд на свою жену. Почему она ему вспомнилась?

Он затушил сигарету, закрыл форточку и вздохнул. Ему вдруг захотелось нарисовать портрет, причем с натуры. Вдохновленный этой идеей, он вышел из комнаты и принес бумажный листок и карандаш. Достал ножик и заточил его. За всем этим наблюдала его женщина.

- На ночь глядя вдохновение пришло? – усмехнулась она.

Когда она с ним познакомилась, он часто рисовал по ночам.

Только она собралась уходить, он схватил ее за руку.

- Постой, попозируй мне, - сказал он это твердо, потому что в его голове летали странные мысли.

- Чего? Ты что совсем спятил что ли? – вдруг она возмутилась и одернула свою руку.

Но ей понравилась эта мысль. Она гордо выпрямила шею, преобразилась в лице и даже стала чуточку красивее и моложе. Она улыбнулась ему, давая понять, что ее нужно немного поугovarивать.

- Пожалуйста, я хочу рисовать с натуры, неужели ты мне откажешь, милая?

Он знал, на какие точки нужно надавить.

Она огляделась и закрыла двери в кухню, чтобы никто из соседей не зашел. Затем быстро расстегнула пуговицы на халате и села на стул напротив него. Он наблюдал за всем этим и смотрел куда-то сквозь нее. Она распустила пучок своих волос, оголила ключицы и приняла позу. Ведь раньше она часто была его вдохновением.

Но карандаш так и остался лежать на столе. Он растерянно не понимал, что происходит. Ее тело не вдохновляет его, он не видел в ней женщину, он видел

только мать своих детей, но не более того. Он настолько отвык от женского тела, что ему не хотелось его рисовать. Да и тело его жены было не таким уж идеальным: растяжки, лишний жирок на животе, грудь потеряла свою форму, на ключицах выступила сыпь, наверное, заразилась от Лизы, на шее синяк, поставленный в процессе игры. Волосы ее мягко лежали на плечах, неброско и натурально. Но все это было не то.

И он снова вспомнил ту девушку. Встал и вышел из комнаты. Пошел спать, а карандаш так и остался лежать на столе. А его женщина так и осталась сидеть полуобнаженная в тусклом свете луны, вдыхая сигаретный дым, не успевший выветриться из комнаты.

Эта мысль прокрадывалась в его сознание все глубже и глубже, а унылая, убогая действительность возле него только усиливало ее. С каждым днем он рисовал только то, что его просили: небольшие плакаты, зарисовки в детские журналы, портреты на заказ. Никто не жаловался, но он чувствовал, что это не его. Он хотел выразить настоящее искусство, но не знал как. Нет, он знал. Он был настроен решительно.

Он желал сотворить шедевр.

И у него все для этого было, кроме самого вдохновения. Лучика света, глотка свежего воздуха в этом многофункциональном аду, который окружал его и давил на его виски с такой силой, что казалось, это проломит ему череп. Он был измучен, истощен, подавлен. А его жена только усиливала это состояние, а ведь дошло до того, что ему и вовсе не хотелось идти домой.

Он желал любви.

Пусть и не настоящей, пусть выдуманной где-то в его голове и зарисованной на его будущей, еще не сотворенной картине, он желал ее. Желал ее со всеми ее муками, страстями, горечью и нежностью. Ведь вдруг все люди: для счастья нужна любовь. Ты будешь счастлив везде, если в твоём сердце живет настоящая, а самое главное взаимная любовь. Ни для кого не секрет, что именно это чувство, сравнимое с самой жизнью и смертью, вечно и способно творить то, что может делать только человек – искусство.

Любовь порождает искусство. Искусство выражает красоту.

И он прекрасно знал, где можно найти то, что ему нужно.

После работы он снова зашел в тот самый ларек и купил новый выпуск какой-то незнакомой ему газеты. Ему нужен был повод снова появиться здесь. Почему-то, только ступив на эту улицу, у него екнуло сердце и предательски

стала глушить советъ. Нет, ведь он же не изменяет своей жене? Он просто посмотрит на девушек и выберет подходящую. Не подходить же к каждой незнакомой ему женщине и просить побыть ему натурщицей. А пока у него есть четкая цель написать картину, он не хотел терять эту мысль. Он решил для себя, что, если он не найдет ничего ценного на этой помойке, то сразу же уйдет домой к жене, а по дороге купит ей цветов. Ну, вообще он намеревался купить ей цветов в любом случае.

Снова повод.

Он хотел загладить свою вину и заглушить совесть и только.

Сегодня народу было очень мало, на улице практически никого не было, ресторанчики пустовали, что было очень странно. Лишь один пьяный мужчина шел, покачиваясь из стороны в сторону, и напевал только ему знакомые песни. Евгений был в растерянности, он не знал что и где ему нужно искать. Неужели просто подойти к девушке и напрямик спросить ее об этом? Наверное, так и делают, но откуда ему было знать? Он закрыл глаза и вздохнул. Всплыл образ жены и его детей, но он постарался быстро согнать его. У него конкретная цель.

Он хотел стать заметным, написав этот портрет. И на этот раз он уж точно постарается. Больше никаких зарисовок в детские журнальчики. Никаких. Абсолютно.

На улице появилась девушка, и Евгений узнал ее. Эта была та самая с кривыми зубами. Вблизи он мог рассмотреть ее получше. Он заметил ее маленькие пороссячьи глазки, небольшой кадык, выпирающий у нее на шее, маленькие и аккуратненькие ушки, плотно прижатые к голове, ее длинные и прямые пальцы, но что самое главное множество шрамов на руках. Его это насторожило. Она вышла на крыльцо, встала на ступеньку ниже и закурила сигарету. Следом за ней вышел полный мужчина, похожий на таракана, быстро чмокнул ее в щечку и так же быстро, по-тараканьи побежал по своим делам. Девушка долго смотрела ему вслед, а затем заметила Евгения. Она улыбнулась ему и поправила прядь своих волос, приглашая его поближе к себе.

И он подошел.

Вблизи она была еще некрасивее, чем издалека. Но Евгений не подал этому виду. Она затушила сигарету, подошла к нему и вульгарно облизнула верхнюю губу. Он сразу почувствовал сигаретный дым, который на удивление нисколько не оттолкнул его от нее.

На этот раз он уже забыл о своей жене.

- Мимо проходишь или зайдешь ко мне? – кокетливо хлопнула глазками девушка.

Он кивнул и показал купюру из кармана.

И она повела его в свой дом.

Домом это было назвать трудно. Большая комната с большим количеством окон. В ней было очень пыльно, жарко и душно. Пахло вареной капустой и какими-то старыми вещами. Окна не открывались, задернуты были шторами, которые были в каких-то липких (жирных?) пятнах. Комната была разделена на несколько секций: кухня, спальня и ванная. Причем это все было не разделено, а стояло в одном едином хаосе. Комната была просторной, но свет в ней был каким-то мутным и грязным. Пыль предательски прорывалась в нос и глаза, наверное, поэтому на лице девушки была пыль и лицо ее было серым. Кухня, сказать честно, была самой чистой во всем этом бардаке. Немного кастрюль, какие-то приправки, много банок и пакетов. Лишь на верхней гарнитуре виднелась тенета, сплетенная пауком еще во времена вымерших динозавров. Ванная была огорожена старыми простынями, которые были уже серыми от пыли, летавшей в воздухе. И наконец, спальня. В комнате, как выяснил Евгений после, обитало три самки. Но кроватей было две, одна большая, красивая и высокая, а другая была диваном, который был вечно расстелен. Его повели к большой и красивой.

На старом диванчике Евгений заметил выцветшего плюшевого зайку, а рядом на комоде кувшин с еще не завядшими цветами, это, пожалуй, самое яркое, что было в комнате. На шкафу висело чье-то пальто, в одном из его карманов торчала замшевая перчатка.

- Ну что, красавчик, ты же впервые у нас, верно? – сказала девушка, посадив его на кровать.

А еще он рассмотрел женский бюстгальтер на батарее. С батареи что-то капало.

- Рима, ты привела еще одного парня? Ты же только недавно толстячка выгнала, - вышла вторая девушка. Живая блондинка, похожая на принцессу из какой-то книжки. Длинные ресницы, большая упругая грудь, наивная улыбка и несомненный интерес к его персоне.

- Мне много не бывает, тем более тот был так себе, - покачала разочарованно Рима.

- А где Оля? – оглядела комнату блондинка.

Из ванной донесся плеск, а затем громкий мат. Причем явно кто-то упал. У

Евгения перевело дух.

- Здесь я, здесь, - раздался грубый женский голос.

Вдруг вышла третья девушка. Та самая, на которую Евгений обратил внимание еще тогда, когда впервые вступил на эту улицу. Она вышла из ванны абсолютно нагая, что смутило Евгения.

- Мы же договорились не приводить клиентов в середине дня! – сказала девушка и прошла к дивану, будто не было ничего необычного.

Евгений проводил ее взглядом, а затем подскочил с кровати, оттолкнул Риму и встал, поправ свой жилет. Его возмутило, как без стыда перед ним ходила голая женщина.

- Как вы можете вот так разгуливать при мужчине?

Девушка лишь усмехнулась.

- А что мне скрывать? Если я смущаю тебя, так возьми и выйди, ну или не смотри. Неужели ты никогда не видал голую женщину? Тебя это так смущает?

Она специально развернулась к нему и свела руки на груди, заглянула ему прямо в глаза.

У него вспотели ладони.

- Видел, почему не видел то. Да, я столько в свое время пересмотрел этих женщин!

- Да? Тогда скажи, как эксперт, как тебе моя фигура?

Он так старался смотреть ей в глаза и не отводить взгляд. Она нагло подошла к нему и улыбнулась, а затем засмеялась, видя, как ему трудно держать себя в руках.

И Евгений сдался.

- Я так понимаю, тебе не нужна девушка на один раз, - сказала Ольга, уже после, когда они вдвоем сидели на кухне и пили чай из старых кружек.

- Я художник и ищу вдохновения, - склонил он голову, чтобы не пересекаться с ней взглядом.

Она опять улыбнулась, положила себе в чай три ложки сахара и встала, чтобы достать печенье. Евгений перевел взгляд на ее широкие бедра, гладкие и молодые, затем опустил взгляд.

Она села перед ним. Сделала глоток и откинулась на спинку стула, оголив при этом свои ключицы, от чего у мужчины перехватило дух. Она достала из халата сигарету и без церемоний закурила перед ним, явно наслаждаясь своим господством в этой ситуации.

Они молчали еще минуту, а затем она сказала:

- Ты сверлишь меня взглядом, неужели я то, что ты ищешь? Подарить тебе, - она пододвинулась к его лицу, что он почуял горький сигаретный дым и запах мыла, исходящий от нее тела, - то самое вдохновение, за которым ты так пришел?

Он смущенно отвернулся, а затем встал и подошел к темному окну. Она так и продолжала курить. Как Евгений понял, ее звали Ольга и она была старше всех самок, обитавших здесь. На ее лбу виднелись морщинки, а глаза были тусклыми, зелеными, можно даже сказать болотными, словно в них никогда не мелькал свет человеческих радостей жизни. От нее пахло всем: сигаретами, дешевым алкоголем, душистым мылом, другими мужчинами и похотью.

Это было то, что нужно. Совсем другая красота, не похожая ни на что другое, отвергавшая все идеалы современной моды, все стандарты женской красоты. Ольга была натуральной, пусть и вызывающей отвращение, но это было то, что нужно.

- Я буду платить тебе за два часа, приходите каждый день и рисовать с тебя.

- Только рисовать? – поморщилась Ольга.

- Ни больше, ни меньше. Мне нужна натуральность, - ответил он.

- А в прочем не важно, главное ты будешь мне платить. Мне нужно быть голой?

Евгений кивнул.

Он очень волновался, идя к ней. Они договорились заниматься искусством (такое название предложила Ольга по только ей известным причинам) с шести часов вечера до восьми, когда квартира более менее свободна. Он взял свои кисти и холст, подошел к ее крыльцу и постучался.

Дверь открыл мужчина, что явно удивило Евгения.

- К Ольге пришел? – спросил тот хриплым прокуренным голосом. От него пахло капустой.

Евгений кивнул. Тот впустил его внутрь, где по-прежнему правил хаос. Он прошел и сел на кровать. Спустя десять минут из ванной вышла Ольга и как всегда голой. Она поцеловала мужчину в щеку, помахала ему рукой и выпроводила его за дверь. Затем взглянула на часы, вздохнула и накинула на себя халат.

- Мог бы и опоздать, а то пришел на десять минут раньше. Видишь же, что еще другой не ушел. Ты ставишь меня в неловкое положение.

- Я плачу за полные два часа и не собираюсь опаздывать, - отрезал Евгений и достал все необходимое. Теперь он стал сомневаться, то ли это, что ему нужно?

Но как только она села на кровать, скинула с себя халат и оказалась перед ним совершенно голой, он понял, что это то. Он принялся творить.

Ольга была не самой красивой девушкой, что могла бы запечатлеть рука художника. У нее была смуглая гладкая кожа, руки грубые и сухие, словно никогда не знали влаги, длинные стройные ноги с редкими черными волосами на них, на ногах под ногтями виднелась грязь, а сами пальцы были разной длины – большой палец был меньше второго, что создавало явную асимметричность. Ступни были длинными, грубыми, кожа в редких местах стала шелушиться и отваливаться, бедра широкие и сильные. На животе был лишний жирок, который был явно виден, в какую бы позу она не садилась. Вообще Ольга старалась сесть перед ним так, чтобы он рисовал только красивую ее сторону. Она крутилась и вертелась, пытаясь улыбаться, но это выходило так неестественно, что начинало потихоньку раздражать.

Только Евгений сделал пару набросков, как она снова поменяла свою позу, то откинет свои густые волосы за плечи, то соберет их в тугий хвостик, который оттягивал ее морщины, видевшие вокруг уголков рта. Он старался внимательно изучать ее, поэтому первые дни он практически не рисовал, а только разглядывал ее лицо, мимику и жесты, он желал передать все на своем холсте, не упустив ни единой детали этой порочной женщины. Так он приглядывался к ее пушистым, но весьма коротким ресницам, к слегка желтоватому оттенку зубов, к сухим губам, которые она всегда облизывала, нашел еще пару морщинок на лбу, не сильно заметных, но он и их не упустил. С каждым разом глядя на нее он четко осознавал, что перед ним настоящая живая женщина, которая в силу обстоятельств (возможно, денежных, а, возможно, идейных) не наносила макияж, не старалась скрыть свои недостатки, а напротивставляла их напоказ. Ее многие бы назвали вульгарной, развратной, падшей женщиной. В некотором отношении они были бы правы, ведь то, чем она зарабатывает себе на жизнь, ни в коем случае не является нормой, но сейчас Евгений видел ее никак продажную женщину, а как образ, который он старался перенести на холст.

С каждым разом Ольга вела себя все привычнее и натуральнее, отпускала непристойные шуточки, смеялась и хихикала, словно школьница на первом свидании. В первые дни, когда к ней приходил этот странный мужчина с кистью в руках, она не понимала, как мог мужчина так легко сидеть перед голой женщиной, мог спокойно держать себя в руках и так внимательно разглядывать ее. Она ведь, как и другая женщина, имела массу недостатков и комплексов. Покрывшись коркой вульгарности, она сменила свою

непорочность, чистоту и женственность на одночасовое удовольствие, на выдуманную у нее в голове любовь, которая так и оставалась у нее в голове. Она дарила тепло, нежность и ласку мужчинам, которым не хватало этой женской любви, но тайком она мечтала, что однажды один из этих мужчин останется с ней в постели навсегда. Он примет ее такой, какая она есть, со всеми своими недостатками и греховностью. Ольга прекрасно осознавала то, что в такой репутации она будет никому не нужна и поэтому с каждым разом она все холоднее относилась к себе, все вульгарнее выражалась, пытаясь заменить внутреннюю пустоту тем, чего хотели от нее мужчины.

Однажды она спросила его:

- Почему именно мое тело? Ведь ты мог выбрать любую девушку. Моложе, красивее, нежнее, а выбрал вульгарную потаскуху, - она усмехнулась, пытаясь скрыть презрение к его выбору.

Лучше бы он делал тоже, что и другие мужчины.

Воспользуйся ею и уйди прочь! Ну, давай! Не делай вид, что ты особенный!

Она ведь однодневка, одноразовая посуда, поешь и выброси.

Ты же не особенный, ты же мужчина, ты не можешь быть особенным.

- Я не хочу молодую, я хочу живую, - ответил он, даже не посмотрев ей в глаза.

Она не видела, что он уже наносил нежные краски на холст. Он сейчас замечал только тона и сочетания. Он летал в мире искусства.

- Знаешь, это довольно странно. Сидеть и позировать человеку, который даже не притронулся ко мне за всю неделю, что ходит ко мне. Такого еще со мною не было, - она зевала и шурилась.

В комнате было тускло. Но Ольга сумела заметить кольцо на пальце Евгения, она разочарованно отвела взгляд и вздохнула. Затем посмотрела на свою руку, ее взгляд остановился на безымянном пальце. В свои тридцать шесть лет она ни разу не была замужем, в свои тридцать шесть лет она не имела практически ничего.

- Потрясающе, ты очень красива, - он впервые улыбнулся.

Он рисовал очень нежно и аккуратно, старался передать всю реальность этой женщины, вывернуть ее душу наружу и запечатлеть вспышкой на этом холсте, чтобы люди, видевшие это, могли точно понять, что женская красота – это такое странное понятие, придуманное каким-то дураком. Вообще все мужчины дураки, если подстраивают естественную красоту под какие-то

выдуманные им рамки. Из чего многие женщины очень страдают, подгоняя свое природное тело под современную моду, под стандарты красоты.

- Давай закончим на сегодня, я устала, - вздохнула Ольга, накидывая на себя халат.

- Стой, ну как же! – возмутился увлеченный работой Евгений.

- Ты и так сидишь здесь третий час и это...сегодня денег не стоит, купи лучше жене чего-нибудь, - она грустно прошла к шкафу, спустила халат и Евгений снова увидел ее загорелую кожу, бедра и талию, которую Ольга в тот же момент намеривалась спрятать под бесформенный серый свитер. Она натянула туго лямки бюстгалтера, так туго, что у Евгения от этого заныло в плечах, натянула на себя колючий старый свитер, затянула ремень на брюках и подошла к зеркалу.

- Так и будешь на меня смотреть? – посмотрела в зеркало она.

- Куда ты пойдешь?

- Хочу прогуляться, мозги нужно проветрить, - она затянула волосы в тугий пучок, который получился очень неряшливым и бесформенным.

Она сняла тугую резинку, выдрав при этом пару волос, от чего у нее заслезились глаза. Она снова повязала резинку, и на этот раз у нее вышел вполне пригодный хвост на голове. Евгений стал собирать свои вещи. Он украдкой наблюдал за нее действиями. Моментально из вульгарной, распутной девицы она превратилась в домашнюю (и, наверное, даже, милую) женщину. Взяла ключи и подошла к двери.

Евгений покинул квартиру, от которой по-прежнему пахло капустой.

Дома его встретил сын, который был явно чем-то обеспокоен. Он сердито взглянул на отца и пропустил его в комнату. На кухне пахло мясом, у Евгения от этого запаха скрутило живот, но он по-прежнему старался сохранить улыбку на своем лице. Сняв свое пальто, он аккуратно поставил холст и чемоданчик с красками на пол. Но надменный взгляд сына заметил эту деталь.

- Зачем тебе холст? – спросил он.

- На работе попалась одна интересная работа, вот и пришлось остаться дольше обычного. Как мама? – он специально называл эту женщину мамой, чтобы сыну было легче понять о ком он говорит, да и в связи с последними событиями он не желал называть ее женой.

Евгений вдруг понял, что задержался вовсе не специально.

(Что он вообще забыл в этом доме?)

В коридор выбежала маленькая Лиза, обняла папу, мужчина поднял ее на ноги. Из комнаты послышался чужой женский смех. Он был таким тихим, неоднозначным, словно небольшие капли дождя били об асфальт дороги.

- Лизонька, у нас кто-то в гостях? – спросил он дочку и прошел в комнату с некоторой опаской.

В комнате сидела молодая женщина с очень красивой внешностью, белокурая, с выразительными зелеными глазами и пухлыми губами. Это была Татьяна, сестра его женщины. Она только, что прилетела из отпуска, была загорелая и молодая, она дышала жизнью и красотой.

Но Евгению она никогда не нравилась. Слишком напыщенная, ненастоящая, кукольная.

- Привет, Женя, - она улыбнулась ему и помахала рукой. Единственная женщина, называвшая его Женей, - как твоя работа?

Только Евгений открыл рот, как она его перебила:

- Я вот недавно была на море, вот сижу, сестрице рассказываю тут.

Он взглянул на жену, а та язвительно на него. В воздухе пахло чистой завистью.

- Правда? И что там интересного? – он опустил Лизу и подсел к ней на диван.

И понеслось. Лето, солнце, жара, духота, туристы, красная икра, загорелые парни, море, рыба и пляж – все это летело из уст Татьяны, как из помойного ведра. Она комментировала все, что видела, слышала и вылиwała слова на стол, а его женщина жадно проглатывала каждое слово и только вздыхала от такой прекрасной жизни.

- Я уже забыла, какого это, быть на море, мой муж зарабатывает копейки, еле на детей хватает! А ты знаешь, сколько сейчас стоит детское питание?

Дети, дети, дети.

Евгений опустил маленькую Лизу на пол, поймал язвительные взгляды двух змей на кухне и вышел в коридор. Он хотел пройти в комнату к сыну, но понимал, что и с ним у него не завяжется разговор. Он стал ненавидеть жизнь в тесноте, духоте и постоянном шуме, в постоянных упреках от жены.

Неужели он совсем не старается? Ведь он думал, что напишет картину и выручит немного денег, чтобы угодить своей женщине. Но нужно ли это ей? Зачем все это?

Что он вообще здесь делает?

Он взял портфель, холст, накинул на себя телогрейку и вышел из квартиры, а это никто, кроме маленькой Лизы не заметил. Печально.

Ольга решила сегодня немного передохнуть. Ее подруги ушли со своими клиентами, и квартира на сегодняшний вечер была полностью в ее распоряжении. Она купила две бутылки вина, немного фруктов и принялась поглощать все это в одиночестве. Не самый идеальный отдых, но она надеялась, что напьется достаточно, чтобы потерять этот день в мире снов. И тут стук в дверь нарушает ее планы. Покачиваясь, она подошла к двери и открыла ее.

На пороге стоял Евгений, который без церемоний прошел в ее квартиру, оставил чемодан и холст.

- Эй, сегодня у нас ничего не выйдет, я устала, - вздохнула Ольга.

- Ты что пьешь? – удивился он, взяв в руки бутылку вина.

- Друг, я одна из самых похотливых дьяволиц, естественно я пью, да еще и много.

Она прошла и села на диван, подперев рукой голову. В голове был туман. Он случайно взглянул на нее. В голове пронеслась мысль о том, что она очень красивая. Уставшая, тусклая, с легким румянцем на щеках, с затуманенными от алкоголя глазами. Под халатом была видна ключица. Он был готов поклясться, он видел эту ключицу сотни раз, он рисовал ее, стирал и перерисовывал, но сейчас она вызвала в нем бурю эмоций и чувств. Он посмотрел на бутылку и сделал один большой глоток.

- Так мне раздеваться или что? – устало сказала Ольга, снимая с себя халат. Это явно не входило в ее планы.

Он достал холст и посмотрел на незаконченную картину. На ней была голая серая женщина, как и сотни других женщин. Но она была особенная. Верно, каждая из сотен, тысяч женщин, что он видел в своей жизни, что случайно встречал взглядом, видел на улице, в магазинах, на работе, каждая из них достойна была бы быть на этой картине. Потому что каждая из этих женщин была особенной, прекрасной в чем-то своем. Они не идеальны, они все имеют массу недостатков, безобразны, уродливы, тоскливы, тусклы, но они все сами по себе красивы. Ольга была похотливой женщиной, которой продаваться за деньги было даже, наверное, в радость(он не мог знать это наверняка), но, черт ее возьми, какая она была красивая. Натуральная и настоящая.

Она села на кровать и приняла позу, зевнула и отпила из бутылки еще глоток. Он достал краски и стал дорисовывать. На самом деле ему уже она была не особо нужна, ведь основное он нарисовал, осталось доработать пару деталей. Он взял тонкую кисточку и стал наносить редкие черные волоски на ногах, она думала, что они не заметны, но он уловил это. Он подчеркнул ее

растяжки, дряблую кожу на локтях и потерявшую свежесть грудь, сильные ноги и не менее сильные женские ступни. Она поняла, что он больше на нее не смотрит, поэтому расслабилась. Взяла бутылку и отпила еще немного, затем подошла к нему и взглянула на картину.

- Ты рисуешь меня красивее, чем я есть на самом деле, а говорил художник! Это оскорбило Евгения, но он не стал отвлекаться.

- Ты просто не видишь того, чего вижу я.

- Неужели? – она развела руками и засмеялась, - у меня был один художник, тоже любил кисточкой по холсту помазывать, но рисовал исключительно красивых женщин. И все его любили за это, правда, он спился, бедолага.

- Я рисую так, как это вижу.

Он почувствовал ее тепло возле своей руки, а потом и запах алкоголя.

- Все вы так говорите, рисую так, как вижу. По мне так это все чушь собачья!- она пригляделась к картине, - зачем ты волосы на ногах нарисовал! Господи, срамота!

Он засмеялся.

- Прекрати, ты красивая. Не накручивай себя, волосы на ногах женщины, по мне так это очень красиво. Не всем же быть куколками, иногда можно и не следить за собой.

- Говоришь прямо, как священник какой-то... Не меняйте в себе ничего, ведь вас создал такими Господь наш! – она передразнивала какого-то священника таким смешным голосом, что Евгений снова рассмеялся.

И тут повисла неловкая пауза.

Евгений выпрямился и посмотрел ей в глаза. Он стоял с кисточкой, а она стояла абсолютно нагая с бутылкой вина. И тут что-то треснуло. Вино сыграло свою роль.

Он накинута на нее, выбросил кисть из рук, целовал ее мягкие, горячие губы так страстно, словно это был последний день его жизни, а он только познавал женщин. Ольга в недоумении выронила бутылку из рук, обвила руками его шею, прижала к себе и ответила на его поцелуй. Он целовал ее шею, ключицы, руки, пальцы, он желал поглотить ее тепло, забрать его, чтобы сохранить на долгие и долгие годы вперед. Пытался запомнить ее запах, каждый изгиб тела, любой жест или вздох. Евгений в тот момент забыл о детях, о своей женщине и о картине, все его мысли были пронизаны только Ольгой, падшим ангелом. Она была теплая и мягкая, ему нравилось это, он прижимал ее к себе, старался слиться с ней в одно целое, чтобы больше никогда не возвращаться к холодной особи женского пола у себя в квартире.

Ольга отличалась от его жены, причем кардинально. Евгений знал немного женщин, но Ольга однозначно врезалась ему в память с первых секунд. Запах вина и дешевого мыла он будет вспоминать долгими ночами.

Он проснулся в объятиях продажной женщины, когда уже начало светлеть. Похоже, было утро и нужно было отправляться на работу. Ольга мирно спала у него на груди, так сладко, что ему не хотелось будить ее. Евгений улыбнулся и почувствовал себя счастливым. Здесь, в грязной квартире, на этой кровати, под этим одеялом. Но пришлось встать. Он в эйфории наделся и пошел на работу.

- Милая, ты дома? – он вошел так тихо, как только мог. В это время маленькая Лиза спала.

Она вышла из комнаты в красивом платье с расчёской в руках. Прочесывала свои редкие волосы.

- Я пойду, пройду с Татьяной, давно не выходила никуда. Ты посидишь с Лизой?

Она говорила это так, словно ничего не произошло.

- Да, да, конечно, - он прошел в комнату, где женщина собирала волосы. Он наблюдал за ней, но ничего в ее поведении не было странного. Он ожидал скандала за то, что его не было всю ночь, но ничего не последовало. Она словно и не заметила его отсутствия.

- Я не слышала, как ты уходил на работу, ты случайно не проспал? – подошла к зеркалу.

В платье она была совершенно другой женщиной. Не матерью его детей, а именно женщиной.

Он промолчал. Ему стало дико стыдно, ведь он изменил такой чудной женщине.

Наверное, чудной.

Она подошла к нему и чмокнула его в лоб.

- Смотри не опаздывай на работу, тебе нужно повышение, чтобы мы все вместе смогли съездить на море этим летом, ну все, я пошла, - она подмигнула ему и вышла из комнаты.

Оставив его наедине со своей совестью.

И тут он понял: она не заметила его отсутствия.

Он вернулся к Ольге поздним вечером, ему нужно было собрать эту картину и сжечь ее. Он решил расстаться с этой идеей, верно, ему нужно повышение, а затем отпуск на море. Так будет правильно, так будет, как у людей.

Но пустота глушила его, он не любил эту женщину. Ему было хорошо с недалекой Ольгой, пусть только в этой грязной квартире, но ему было хорошо. Он чувствовал себя любимым и где-то в глубине тешил себя надеждами.

Она открыла ему дверь, вся потрепанная, но счастливая. Она улыбалась.

Ппустила его в квартиру.

Между ними снова возникла неловкая пауза.

На этот раз она взяла все в свои руки и поцеловала его первая. Евгений не устоял.

После того, как они провалялись в кровати, час с лишним, Евгений вновь опомнился, что пришел сюда совсем не за этим. Он посмотрел на холст, который оставил вчера, а затем снова на Ольгу, которая мирно смотрела в угол комнаты. Нет, картину уничтожить нельзя. Он столько старался, создавая ее! Она впитала все его надежды.

- А почему ты не стал рисовать свою жену?- неожиданно спросила его Ольга. Он не знал, что ответить, но, подумав пару минут, сказал:

- Она больше не моя жена.

- Тогда почему ты от нее не уйдешь?

- Не знаю, дети держат, да и, наверное, у меня к ней что-то осталось.

Ольга улыбнулась. Она миллион раз слышала подобное.

- Если бы ты ее любил, то не стал бы спать со мною. Вы, мужчины, очень странные существа.

- Знаешь, я думал, она будет кричать на меня, выгонит из дома, но она, оказывается, даже не заметила, что меня не было всю ночь.

Ольга достала из-под подушки пачку сигарет, достала одну и закурила.

- Жестоко, конечно, но зато теперь ты точно знаешь, что она из тех типов женщин, которым от мужчин нужны только дети. Можешь смело уходить от нее.

- Ты так легко говоришь это! У нас с ней дети, понимаешь ты это? – возмущенно фыркнул Евгений.

- Жить вместе только ради детей, значит медленно убивать себя. Ты хочешь постоянно изменять ей? Хочешь жить с нечистой совестью? А с кем ты будешь изменять ей, со мною? А мне оно нужно!? Ты меня спросил? – она подскочила и села на край кровати.

- Но, разве ты не получаешь удовольствие, что сгоняешь всех порядочных мужчин к себе в койку?

Ольга затушила сигарету, накинула халат, подошла к нему и влепила ему громкую пощёчину.

Мужчина замер, а затем встал и стал одеваться. Все кончено.

- Уходи! Ты такой же, как и все остальные! Вы думаете только о себе! – она заплакала, а затем стала собирать его кисточки и краски, неаккуратно и быстро запихивать их в его чемодан.

Он встал, взял портфель, упаковал холст и подошел к двери, она осталась плакать на ковре, рядом с пятном от вина, единственным напоминанием об их коротко временной любви.

Он больше никогда сюда не вернется.

Вернулся он домой снова поздно. Бродил возле дома, думая как поступить дальше. Сознаться ли жене? Стоит ли рушить семью? Как он теперь будет смотреть ей в глаза?

Но зайдя домой, все мысли исчезли сами собой. Жена снова была в грязной футболке, носила маленькую Лизу, из комнаты доносилась музыка сына, соседи ругались, кто-то смотрел телевизор. Все шло своим чередом.

- Есть будешь? – Жена усадила маленькую Лизу, принесла кислые щи, овсяную кашу Лизе и села ее кормить. Он молча ел теплый суп.

- Давай, Лизонька, будешь много кушать, быстрее вырастишь и облетишь весь мир!

Она говорила о детях, о присыпках, мазах, школе, танцах, о его сыне.

А он видел лишь упакованную картину, стоящую в коридоре.

Они встретились на кухне, когда он курил. За последние пару месяцев он не взял в рот ни единой сигареты, а сейчас снова курил на кухне. Жена подошла к нему, положила руки на плечи и обняла его со спины, ему стало тепло.

- Пойдем спать, ты, наверное, устаешь на работе.

- Верно, я очень устал.

- Не хочешь нарисовать меня?

Он промолчал.

- Ладно, я буду ждать тебя в комнате, подходи, - она кокетливо подмигнула ему и, виляя бедрами, ушла в спальню, где спал только он один.

Евгений докурил сигарету, затушил ее, поставил стул, залез на него и достал молоток и гвозди. Взял холст, распечатал его и посмотрел в глаза

нарисованной чужой женщины. Возможно, когда-нибудь он закончит ее, но не сейчас.

Он вошел в комнату, на кровати лежала его жена, он поставил картину, положил рядом молоток и гвозди. Завтра он прибьет эту картину на стену, это его напоминание о нечистой совести.

- Что это такое? – спросила его жена.

- Картина, один знакомый художник подарил, пусть весит.

- А если сын увидит?

- Он уже взрослый, да и пусть не заходит сюда, своя комната есть.

Он обнял ее и лег рядом с ней. Она от его объятий вся растаяла, стала податлива, словно вода.

- Ну, хорошо, пусть весит, все равно женщина какая-то некрасивая и неухоженная.

- Да, ты права, совершенно некрасивая.

Настала тишина. Только Евгений стал засыпать, как его оттолкнула жена.

- Жень, а мы слетаем на море?

- Обязательно слетаем, обязательно.

#Фуюми